

Косара Гаврилович КОСОВО И МЕТОХИЯ В СЕГОДНЯШНЕЙ СЕРБИИ

Прежде чем начну говорить о Косово и Метохии в сегодняшней Сербии, я должна высказать свою благодарность отцу Виктору за то, что позволил мне поделиться с вами своими впечатлениями о Косово и Метохии и вас поблагодарить за то, что вы остались после литургии для того, чтобы меня выслушать.

Очень прошу вас запомнить четыре пункта:

1. Я стою перед вами не как чей-то представитель а просто как я сама лично. Говорю как человек, который провел полтора года в Косово, в монастыре, посвященном Успению Пресвятой Богородицы в Грачанице. То, что я там работаю в качестве переводчика владыки Артемия, не значит, что я говорю от его имени. Когда я прощалась с ним, он даже не знал что я буду здесь выступать. Я не просила его благословения потому, что и я этого не знала. Но здесь меня каждый день спрашивают: Как в Косово? И каждый день я отвечаю: в Косово и Метохии плохо, и будет гораздо хуже. И с каждым ответом я сама вновь узнаю насколько ужасно и страшно всё то, о чём я решила вам рассказать. Владыкино благословение я попрошу задним числом в надежде, что он простит эту отсебятину.

2. Если я назову фактом что-либо из рассказанного мною, это значит, что я лично это видела или слышала, или я это узнала из достоверного источника. Но нужно помнить, что мы живем в несовершенном мире – в мире, где и самые достоверные источники могут ошибаться

3. Если я не буду говорить о том, что вы считаете интересным, вы можете меня об этом спросить или сами об этом сказать после моего доклада.

4. И еще одно последнее предупреждение. Я буду говорить об очень неприятных вещах – неприятных для русских, еще более неприятных для американцев и больше всего неприятных для сербов. Но я вас прошу выслушать меня. Выслушайте меня до конца. Выслушайте меня себя ради, потому что все это касается вас так же, как и нас. Я не ищу вашей помощи. Вы нам помочь не можете. Никто нам больше не может помочь. Теперь только Господь может выручить нас.

Из этого моего последнего предупреждения вы вероятно уже заключили, что главными виновниками нашего несчастья я считаю самих сербов. И это правильно: мы, сербы – главные виновники своего несчастья. Но это ни в коем случае не значит, что албанцы нас не убивают. Они нас убивают ежедневно и

всячески выживают. Из дня в день сербов все меньше и меньше в Косово и Метохии. Мы потихоньку исчезаем. Но это не новость. Вы все это знаете. Это тоже не значит, что Запад вообще, и Америка особенно, не виноваты в этой катастрофе. Во отношении к Сербии они сыграли очень грязную роль. Поступили они аморально, бесчестно, вопреки собственным и международным законам и против своих же собственных интересов. Но об этом я не хочу сегодня говорить, потому что ни албанцы, ни западная Европа, ни Америка – далеко не самое главное в нашей жизни сегодня. Про нас можно с полным основанием сказать: мы столкнулись с врагом, и наш враг – это мы сами. Сегодня я хочу рассказать о новых несчастьях, о новой опасности, которые и вам лично грозят, которые и вас лично касаются, и если вы не поймете этого сегодня, то завтра, или через месяц, или через два – во всяком случае, в очень скором будущем – в один прекрасный день вы проснетесь и увидите, что это стало и вашей действительностью, не только нашей.

Теперь о Косово и Метохии в сегодняшней Сербии – и в Сербии вообще – не потому, что Косово и Метохия неотъемлемая часть Сербии – не потому, что они „сердце и колыбель Сербии“, не потому, что они “сербская святая земля”. Все это правда, но это не важно для нашего рассказа. Важно то, что все, что происходит в Сербии, неразлучно связано с Косово и Метохией и все, что происходит в Косово и Метохии зависит от государства в котором они находятся, то-есть от Сербии. И потому, что все, что происходит с православием в Сербии сейчас неразрывно связано с православием в целом мире.

Что вам рассказать вообще о Сербии и в особенности о сегодняшнем положении Косово и Метохии внутри неё? Возможно ли вообще говорить о сегодняшнем, не сказав хоть бы несколько слов, и о вчерашних, и о давно прошедших временах. Вы уже знаете, что история Сербии – это история продолжительной, или все время повторяемой, разделённости. Это рассказ о бесконечных разногласиях, о роковых междоусобицах. Кстати, почти сто лет тому назад, когда я была в младших классах гимназии, где нас только что начинали учить сербской истории, на каждом уроке мы неоднократно слышали одно слово. Это слово мы не понимали, но оно звучало мрачно и страшно, как и следовало ему звучать, потому что им объяснялись все промахи, все неудачи нашей ранней истории. И хотя нам детям слово «међусобица» было неизвесно, мы даже тогда начали сознавать, что междоусобицы – крест сербской жизни. Но осознание это одно, а переосмысление – нечто совсем другое. Междоусобицы не только **были** крестом сербской жизни. Они и поныне остаются крестом сербской жизни – они были, есть и будут.

Неудивительно тогда, что и сегодня Сербия – разделенная страна. Когда я думаю о Сербии, я вижу сербский герб – большой крест, разделяющий пространство на четыре части, в которых четыре буквы «с». Эти буквы, как мы все знаем, обозначают абсурдный, но вполне справедливый, лозунг *«само слога Србина спасава»* — только согласие спасает серба – но вместо этих букв я вижу четыре группы сербского общества.

Вертикально – общество разделено на 1. Государство с правительством и 2. Церковь со своим правительством, т.е. с архиерейским собором и синодом. Эти две части разделены вполне чётко. Горизонтально – общество разделено на управляющих и управляемых. В третьей части мы видим народ неверующий, который подчиняется только государственному правительству. Четвёртую часть представляет верующий народ, т.е. духовенство, монашество и, паства. Но эта последняя часть, конечно, должна подчиняться не только церковному, но также и государственному правительству. И каждая из тех четырёх частей опять разделена на две части. Но, к сожалению, не пополам, так как они не разделены на две равные половины. Одна часть, во главе которой стоит не только государственное правительство но также и церковное, т.е. архиерейский собор и синод, гораздо больше и гораздо сильнее другой части, которая мне кажется еле заметной. Большинство неистово стремится «в Европу». А мы в другой части спрашиваем: «А что? Разве мы не в Европе»? Если спросить простой народ почему он хочет в Европу, что он от Европы ожидает, получается впечатление как будто-бы его единственное желание это получить визу и путешествовать. **Виза** стала новым золотым тельцом для сербов. Если спросить их дальше, что они будут делать в этой земле обетованной, которая называется Европейским Союзом, куда их отвезет эта столь желаемая виза, прямого ответа получить нельзя. Не потому, что люди боятся сказать, что у них на душе. Нет, в Сербии никто ничего больше не боится – и в этом-то вся беда. Об этом стоит поговорить отдельно, ибо именно это отсутствие страха является одной из крупнейших и пугающих проблем в сегодняшней Сербии. Прямого ответа не получите, потому что его нет. Люди не знают почему им хочется ехать. Им все равно, куда поедут, все равно, что будут там делать. Мне кажется, что им хочется уехать для того, чтобы не быть больше одинокими, всеми отброшенными. Сербам надоело одиночество. Но трагедия в том, что они не понимают, что в Европейском Союзе они будут такими же одинокими и отброшенными как и теперь, потому что ЕС – это «клуб для избранных», клуб настолько эксклюзивный, настолько элитарный, что даже членство не

гарантирует, что вступающих в него примут как равноправных членов. Польша, Болгария, Румыния и даже Греция уже это знают. Серббы слышат, но почему-то до них не доходят горькие жалобы Болгарии и Румынии на «землю обетованную». Сербский народ с абсолютным равнодушием смотрит на множество доказательств о том, что для Болгарии и Румынии Европа оказалась не любящей матерью, а злой мачехой. Народам, как и людям, очень трудно учиться на чужих примерах.

А сербское правительство? Оно вероятно знает, почему оно так неистово стремится в Европу. Оно очень толково и ясно излагает, почему для всех нас Европейский Союз обязательно должен стать землёй обетованной и не понимает почему эта другая, маленькая, незначительная, еле заметная часть народа, которая против него, ему, правительству, не верит. А мы не верим ему по многим причинам, из которых первой является тот факт, что мы хорошо знаем, что Европейский Союз никогда Сербию к себе не впустит. Мы можем выполнить все условия которые он потребует от нас, всегда найдется новое, до сих пор никогда не упоминавшееся условие, которое нам будет полагаться выполнить. Все это знает и само правительство – но ему все равно, оно этого не боится. У него очевидно свои интересы. Что это за интересы? Я не знаю, но очень хочется сказать: его купили.

Все проевропейцы, все западники – и в народе и в правительстве – думают, что главное препятствие на нашей дороге в Европу – это Косово и Метохия. Они уверены, что если бы они исчезли, мы в тот же момент вступили бы в Европейский Союз и вместе с Косово и Метохией исчезнут тоже и все наши проблемы – экономические, политические, общественные, духовные, даже церковные. Неужели и церковные? Особенно церковные.

Мы уже говорили о разделениях в Сербии, о том что с самого начала нашей истории крестом нашей жизни были междоусобицы. Но в отличие от сегодняшней жизни в нашем прошлом было нечто, что было **нераздельным** и не **разделяющим**. Это была церковь. Да, я знаю. В церкви всегда бывали расколы; в народе всегда бывали ереси. Но в Сербии, после 14-го века, после нашествия Турок, после разорения сербского царства уцелела церковь. Уцелела она без внешнего великолепия, без богатых одеяний и роскошных икон в золотых ризах, без ангелам подобных хоров, **но и без расколов**. Уцелела церковь. Убогая, гонимая, подпольная уцелела церковь. Даже коммунистам не удалось ее до конца уничтожить. Уцелела она до конца двадцатого века и тогда пошатнулась.

Как я уже сказала, сегодня церковь у нас так же разделена как и государственное правительство, как и весь народ. Народ разделяет вопрос «**в**

Европу или нет»? «Вместе с Европой в глобализацию или нет»? Церковь тоже разделяет тот же самый вопрос, но для церкви этот вопрос немного более сложен. Церковь не может смотреть на этот вопрос с чисто экономической или геополитической точки зрения. Для церкви он влечет за собой целый ряд других вопросов или нравственного или чисто духовно-церковного характера, которые церковь должна рассматривать. Мы могли бы ожидать и от правительства и от народа так же постараться дать ответ на вопрос «Что это за Европа, в которую мы стремимся? Та ли это Европа, которая называет бомбардировку Сербии со стороны НАТО, в которой погибло 3000, не военных а обыкновенных граждан, включая детей, **«гуманитарной интервенцией»?** Или это та Европа, которая не смеет защищать права своих христианских жителей, потому что это политически некорректно, а в то же самое время тщательно защищает религиозные права мусульман? Правительство, конечно, не обязано стараться о духовной жизни народа, но церковь обязана. Церковь **обязана** стараться о духовном спасении своей паствы. Мы в церкви ищем спасения. Мы от нашей апостольской церкви ищем истины. **А что если соль потеряла силу?** А что если сербские владыки решили стать на сторону государственного правительства? Что если им тоже захотелось в Европу и вместе с Европой в глобализацию? Знают ли они вообще, что такое «глобализация»? Могут ли они нам сказать почему они, наши архиереи, стремятся в Европу?

У каждого архиерея своя причина. У одних жадность, у других неутолимая амбиция, у третьих страх итд. Страх – очень убедительная причина.

Я лично знаю двух архиереев, которых Госдепартамент просто шантажировал, утверждая, что они военные преступники и что у американского правительства неопровержимые доказательства об этом и что они в любую минуту могут очутиться в Гааге. Но американское правительство считало, так утверждал Госдепартамент, что будет полезнее и выгоднее для Америки, если они останутся на своих местах и будут сотрудничать с ней. И они трусили, остались на своих местах и начали покорно сотрудничать.

Под конец или сразу после конца Боснийской войны, теперь не помню точно в каком году, я была переводчицей одного из них. Я была с ним в Конгрессе, когда его обвинили в «этнической чистке». Это был владыка Атанасие, которого я хорошо знала, глубоко уважала и любила. Я знаю, что он не был виноват в том, в чем его обвиняли тогда в Конгрессе. Не по тому, что я его любила но потому, что я видела его лицо, я слышала его слова, когда он отвечал на обвинение и, самое главное, потому, что целое обвинение было совершенно бессмысленным. Ни один суд в мире не судил бы его. **За исключением суда в Гааге.** Я не знаю, обвиняет ли его Гаага и в чём-нибудь другом? Не знаю имеет

ли Госдепартамент действительно неопровержимые доказательства против владыки Атанасия и митрополита Амфилохия? Не знаю, и это вовсе не важно. Важно то, что они **оба виноваты** в другом. Они испугались и струсили. Испугаться не грех. Св. апостол Петр испугался, но это ему не помешало услышать *алектора* и зарыдать в покаянии. А Амфилохия и Атанасия струсили и, когда они струсили, два из трех самых твердых, самых горячих защитников православия, православной истины и православного сербского народа стали главными пропагандистами западной Европы, Америки, их ценностей, их нужд и их планов для нового мирового устройства. И хуже того. Они не только согрешили, им нужно было создать целое новое понимание о церкви, о догматах и о самой нашей вере для того, чтобы оправдать свой грех.

Итак в Сербии появилась новая ересь. Правду сказать, это не новая ересь. В начале она появилась в Греции почти десять лет тому назад – а может быть и раньше. Можно сказать, что в Сербии первыми это заметили наши деревенские бабы, которые, может быть читать и писать не умеют, но знают литургию наизусть. А литургия вдруг стала меняться. Сперва были еле заметные перемены в порядке потом начались пропуски, изъятия – или это только бабам показалось? Но когда дело дошло до Великого Входа и когда хору с амвона запретили петь Иже Херувимы, не только бабы стали замечать, что что-то не так. А когда стало известно, что даже исповедь больше не нужна, всем стало ясно, что дела обстоят совсем плохо. Тогда внутри церкви начались серьезные разговоры, которые церковь тщательно старалась держать в секрете. Но это ей не удалось. Народ узнал. Не всё, конечно, не каждую подробность, но некоторые очень важные и очень скорбные и страшные факты. Мы узнали, например, что когда владыке Атанасию один его **не** единомышленник сказал, «то что ты делаешь – не по канонам», Атанасия ответил **«В новой действительности каноны никуда не годятся»**. По-сербски это звучит еще хуже. *«Каноне само мачку о реп»*. «Каноны только привязать коту на хвост» Вот что говорит сегодня один из великих сербских канонистов, которого Сербия уважала не только как специалиста по канонам, но даже больше как их ревнителя и защитника.

А что такое „новая действительность»? Или, как теперь принято говорить *“evolving new reality”* (новая действительность, которая еще в процессе эволюции) или даже *“evolving new realities”* – новые действительности в множественном числе? Разве не страшно подумать, что это за действительности? Сколько их? До чего еще доведёт их эволюция?

Не чувствуете ли вы, что земля под ногами пошатнулась и стала зыбкой? Не тошнит ли вас как будто от морской болезни? И это не говорит какой-то

«сумасшедший ученый», а архиерей православной церкви, в церкви в которой мы хвалим и славим Господа, утвердившего нас на камени исповедания своего. Твердо стоять на твердом камени больше нельзя.

Поэтому было решено в прошлом году включить в повестку дня заседания Архиерейского собора вопрос о новой ереси, которую, конечно, официально так не называют. Называют ее просто «изменениями» или, реже, «реформами». В прошлом году народ, т.е. та еле заметная часть народа которую такие вопросы интересуют, ждала с огромным интересом, даже восторгом, заседания Архиерейского собора и обсуждения новой ереси. Мы не волновались. Мы не боялись. Мы уже наслаждались победой, потому что знали, что владыка Атанасие будет выступать за реформы, а каноны будет защищать третий из Трех Великих А, как в прошлом веке называли Амфилохия, Атанасия и нашего владыку Артемия. У нас не было ни малейшего сомнения, что владыка Артемие победит.

Наша сторона не сомневалась в победе. Но вероятно и другая сторона не сомневалась в **нашей** победе, так как в самом начале заседания Архиерейского собора вопрос о ереси был снят с повестки дня. В этом году то же самое. В начале вопрос об «изменениях» был на повестке дня а потом ко всеобщему большому несчастью был снят с повестки дня. Обсуждение, явное обсуждение этого вопроса необходимо для нашего духовного исцеления. Потому что обсуждать вопрос о реформах невозможно без обсуждения вопроса о самой ереси. Нужно было прежде всего сознаться в том, что ересь существует и сформулировать, в чем она состоит.

Год тому назад, незадолго до заседания Архиерейского собора, в одном разговоре со своими монахами владыка Артемие задал такой вопрос: «Что вы думаете, братья, какой самый главный вопрос стоит перед нами в настоящее время»? И, конечно, все ответили «Косово». «Нет», сказал владыка, «не Косово. **Косово все-таки только кусок земли.** Самый главный вопрос это как защитить, как сохранить нашу веру от ереси.»

Я здесь не буду излагать все подробности этой ереси. Скажу вам только то, что представляет, как мне сказали, ее главный догмат. Вкратце, **греха больше нет.** Теперь ясно, что никто ничего не боится в Сербии. Греха нет, потому что своей страстию на кресте Христос поправил смерть и очистил нас не только от первоначального греха, но и **от греха вообще** – на всегда. Другими словами, в «новой действительности» все грехи впредь отпускаются. Значит каяться больше не нужно. В чем мы будем каяться, если греха нет? Значит, исповедаться тоже не нужно. Причастие пока остается, но вероятно потому, что считают его лишь символикой.

«Косово только кусок земли». Трудно было поверить что эти слова произнес самый пламенный, самый неумолимый, самый неустрашимый поборник Косова. Мы, видевшие в нем второго святого ратника Артемия, не могли поверить, что он это сказал. Но он это сказал – и более того. Если веру потеряем, потеряем и Косово. Если веру сохраним, Господь, может быть, сохранит наше Косово. И сказав это, владыка дал Синоду добавочный повод для своего отстранения. Владыку Артемия давно стараются отстранить. Его часто обвиняли в том, что он нечист на руку в финансовых делах, и никогда ничего не могли доказать. Осенью две тысячи четвертого года пытались объявить его сумасшедшим. Меня в том же убеждали по телефону тогдашний иеромонах а теперешний епископ австралийский и новозеландский Ириней Добриевич и викарный епископ липлянский Теодосие. Меня они не убедили и, кажется, им не удалось многих убедить.

В чем проявлялось сумасшествие владыки Артемия? В его твердом отказе позволить албанцам восстанавливать церкви и другие церковные здания, как например Епископское подворье в Призрене, разрушенные или сильно повреждённые 17-го марта 2004-го года **теми же самими албанцами**. Казалось бы, его отказ был вполне разумным. Но Европейский Союз, который вызвался финансировать проект восстановления и требовал, чтобы подрядчики-строители были албанцы, обратился тогда к Синоду. Синод приказал Артемию согласиться и подписать Меморандум об обновлении церквей. Артемие подписал, но сразу же взял подпись обратно, и вот уже четыре года владыка Артемие упорно сопротивляется этому проекту. В начале он сопротивлялся по чисто принципиальным причинам. Ему просто казалось чудовищным, чтобы разрушители могли стать восстановителями того что они сами же разрушили. Но потом появилась и вторая причина – причина чисто техническая. То, что было сделано албанскими подрядчиками уже начало разваливаться. Но несмотря на все это, Синод, теперь возглавляемый митрополитом Амфилохием, который уж давно покорно сотрудничает с ЕС и Америкой, не получив согласия владыки Артемия, подписал Меморандум о принятии восстановленных церквей, хотя по канонам не имел права вмешиваться в дела чужой епархии. Несколько месяцев тому назад, в апреле или в мае 2009ого года, Синод послал вл. Артемию ультиматум: или владыка примет обновлённые церкви и другие церковные здания до первого июля этого года, или его привлекут к Церковном суду за непослушание и за другие действия, ведущие Церковь в раскол. Все газеты писали о новом столкновении между митрополитом Амфилохием и епископом Артемием. В печати появились также статьи разных специалистов по канонам – и церковных и штатских, и на нашей стороне и на стороне Синода

– в которых все канонисты утверждали, что по канонам нет никакого основания судить владыку Артемия и что он будет освобожден от всякой виновности. Не было ни малейшего сомнения, что владыка отбросит ультиматум.

Но никто не писал о том, что в тот момент, когда суд получит жалобу, он должен освободить владыку от всех его епископских обязанностей, и на его место поставить администратора. Судопроизводство может длиться год, два? Семь лет? Все равно сколько оно будет длиться, к этому времени борьба за Косово и Метохию, за целостность православия, за все за что боролся владыка Артемие будет закончена. Борьба будет закончена победой – чьей? Владыка Артемие подписал Меморандум о принятии восстановленных церквей. Ультиматумы, как и другие роды шантажа, отличаются тем, что никогда не бывают однократными. За первым следуют другие. Так было и в этом случае. Очень скоро последовал второй ультиматум: Владыка должен вернуться в свое восстановленное подворье в Призрене.

Призрен – старый сербский город, столица царя Стефана Душана, который царствовал в четырнадцатом веке. Недалеко от Призрена царь Стефан Душан построил великолепный монастырь из белого мрамора – монастырь Святых Архангелов – который в середине 15-го века начали разрушать турки, а в 16-м они стали усиленно расхищать белый мрамор. Из этого мрамора в 1615 году турки построили громадную мечеть в Призрене в славу того самого Синан-паши, который приказал сжечь мощи св. Саввы сербского. Кстати, стоит упомянуть, что когда после окончания турецкой оккупации в 1912-ом году сербы вернулись в Призрен, им и в голову не приходило разрушать Синан-пашину мечеть. Эта политическая коректность *ante factum* вероятно была большой ошибкой. В 20-м веке, албанцы окончательно разрушили монастырь. Но в конце этого века владыка Артемие его восстановил. Восстанавливал наш владыка этот монастырь два раза, так как 17-го марта 2004-ого года, после первого возобновления, албанцы его подожгли. Теперь монастырь окружён колючей проволокой и находится под охраной немецкого КФОРа. В нем живут пять-шесть монахов. В самом городе Призрене нет немецких солдат, так как в нем живут только албанцы за исключением лишь одного старого серба.

Когда епископ нишский Иринеи передал владыке Артемию приказ Синода поскорее вернуться в Призрен, наш владыка спросил «Кто нас там будет защищать?» ему ответили «Там вам защита не нужна». –

И это правда. Там владыке и тем, которых он должен будет взять с собой, защита не нужна потому, что невозможна. Там их никто не сможет защитить, также как 17-го марта пять лет тому назад не могли защитить ни его подворье, ни Богородицу Левишку, ни Св. Архангелов ни сербское население, которое

целиком исчезло, за исключением лишь одного старого серба.

Итак, Синод Сербской православной церкви посылает сербского владыку Артемия на мученичество и с невероятным цинизмом этого даже не скрывает. Владыку Артемия не раз обвиняли в том, что он ищет мученичества. Владыка не ищет мученичества. Никто из нас не желает мученичества. На каждой литургии два раза просительные ектеня кончаются просьбой о спокойной, непостыдной и безболезненной кончине. Так что не грех **не** желать мученичества, и никто из нас этого не желает. Мы только просим у Господа силу веры, которая нам даст храбрости и твёрдости не струсить в последнюю минуту.

Что же теперь будет? Перед владыкой выбор: он может опять повиноваться Синоду и пойти на крест или отказаться и пойти на суд. Что он выберет, мы не знаем. Но мы можем быть уверенными, что владыка выберет то, что ему покажется более полезным или по крайней мере менее вредным для его любимых православных Косово и Метохии.

Теперь я вас спрашиваю, какой ответ на вопрос «Как в Косово»? можно было дать кроме старого ответа «В Косово и Метохии плохо, и очень скоро будет гораздо хуже»?

(Доклад прочитан в сентябре 2009 г. в зале проходского дома Свято-Иоанно-Предтеченского Собора в Вашингтоне Д.К.)